

Индира Меидова
100+

Индира Меидова

100+

«Издательские решения»

Меидова И.

100+ / И. Меидова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839815-5

Можно ли изменить судьбу, как это сделать и следует ли вообще что-то исправлять? А если все мы участвуем в эксперименте? И насколько близко человечество к своему провалу? Ответы на эти и множество других вопросов автор попытался изложить в психологической драме, внедрив в сюжет немного приключений, мистики, используя простые человеческие инстинкты и накопленную поколениями мудрость, которая зачастую остается за пределами нашего осознания, просто по недомыслию или нежеланию.

ISBN 978-5-44-839815-5

© Меидова И.
© Издательские решения

Содержание

Наяву или во сне	6
Первые прикосновения	6
Будни	12
Смелые начинания	17
Опустошение	20
Подсказки судьбы	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

100+

Индира Меидова

© Индира Меидова, 2017

ISBN 978-5-4483-9815-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наяву или во сне

Первые прикосновения

Его пристальный взгляд она чувствовала буквально кожей. То ее окутывало тепло мягкого пледа, то легкий ветерок пробегал, перебирая прядки волос, но чаще это было ощущение от прикосновения какого-то мягкого пушистого облачка. Порой ей даже казалось, что оно поддерживает ее независимо от позы, в которой она прибывала. Если сидела на скамейке, то руки, на весу державшие книгу, никогда не уставали и спину не ломило, несмотря на то, что она не позволяла себе расслабиться и не опиралась о спинку скамьи. Полежать на травке, раскинув руки, будто охватываешь, открывшееся перед взором пространство, было вообще сродни волшебному убаюкивающему парению на качелях. В такие минуты, даже если она не могла ухватить краешком глаза места его расположения, он всегда находился поблизости в зоне доступности. Подглядывал ли он за ней? Вовсе нет, во всяком случае, умысла на то не было никакого. У него вообще не было необходимости уличить ее в чем-то непристойном или неподобающем, он всего лишь присоединился к ней, не имея возможности действовать напрямую. Так же, как и она, наслаждаясь теплым солнышком, видом простирающегося широкого горизонта или чтением захватывающего сюжета, он испытывал те же эмоции. А еще ощущал какое-то неземное единение душ, близость к ее тайне, и тешил себя надеждой на ее осуществление.

– Егор! Ты опять галлюцинируешь? – громко с большой долей иронии произнесла приближающаяся к нему матушка.

– Мам, ну она же тебя слышит, – смущенно и тихо промямлил он в ответ.

– Пусть слышит, – нарочито громко продолжала мать, – мало того, пусть обозначит как-то свое присутствие. Зачем людей то пугать?! Да и ладно б одного, остальные уж как-никак позаботились бы о сопровождении его в соответствующее состояние учреждение, а то всех без разбору, независимо от рода и племени. Очень хочется надеяться, что не проводят над нами никакого эксперимента. И хочу гарантию иметь, что не отразится подобная оказия и посягательство на частную жизнь ни на здоровье, ни на имущественном праве.

Как только тирада была закончена, незнакомка повернула голову в их сторону, улыбнулась, закрыла книгу и исчезла вместе с лавкой, на которой сидела. Но это произошло не сразу, ни в один миг, кусочки изображения растворялись постепенно, будто подергиваясь рябью от брошенного в воду камня, пока от них не осталось и следа.

– Похоже, ты ее обидела.

– Вот и славно, пусть выберет себе другое место для чудачеств. А я боюсь ее появлений. И кто знает, может она и в доме за нами наблюдает, просто мы ее не видим. Брр, жутко.

– А я и не подумал об этом. Меня как-то больше забавляет мысль о том, что будет дальше, сможем ли мы пообщаться, кто она, откуда и как у нее это получается? Остальное не важно, Господь тоже блюдет за нами. А вдруг она его посланница и предупредить нас, о чем желает, или защищает от какого лиха, а ты вот так бесцеремонно взяла, да прогнала ее.

– Так пусть чего-нибудь скажет, мы, да и успокоимся. Что ж нам теперь на каждом шагу себя останавливать: видят – не видят, слышат, аль нет. Не хочу себя ограничивать ни в чем.

– Ладно, поломала безделье, пойду займу себя чем-нибудь.

– Иди, милоч, пролей бальзаму на маменькину душу, – благостно напутствовала она сына.

Егор вошел в дом, утренняя прохлада в котором еще сохранялась, на какую-то долю секунды ему даже показалось, что в помещении довольно-таки зябко, но это ощущение закончилось так же быстро, как он достиг гостиной, залитой солнечным светом в отличие от только

что пройденного им коридорчика. Он вдруг задержался возле кушетки, томимый желанием прилечь, но вовремя сбросив потягиванием со своего тела остатки ночной вязкости, прошел к стеллажам с книгами. Ни секунды не раздумывая, он протянул руку к своим атласам, так он называл скрепленные собственноручно бумаги с рисунками, чертежами и записями. Еще три года назад, служа Отечеству, он и не помышлял ни о чем таком, а оторвавшись от любимого, как оказалось, занятия, стал тосковать. Вместе со знаниями в морской фортификации, судьба наградила его и способностями запоминать даже мельчайшие детали когда-нибудь хоть раз увиденного, оценивать и просчитывать возможности на основе анализа полученных сведений. А в купе с мечтой позволила вдали от предмета наваждения замыслить собственное дело, коему и посвящал он себя всецело. Он мог бы еще дольше оставаться на чужбине, ходя по водным просторам от берега к берегу, завоеывая для родины доблесть и славу в сражениях или скрепляя договора с заморскими странами. Но батюшкин век несказанно быстро оборвался, и чтобы оказать поддержку маменьке, оставшейся в полном одиночестве, вынужден был отбыть со службы. Домашние заботы и хлопоты поглотили его мысли чуть больше чем на месяц, именно столько понадобилось ему времени, чтобы разобраться в делах. А как только баланс был найден и порядок отлажен, тоска по оставленному, уже будто вросшему в тело, вместе с муштрой и дисциплиной, риском и опасностями, накатила так, что не только снилась во снах, но все чаще уводила его в грезы наяву.

***

Ее владения располагались неподалеку от диагностического центра, построенного ею же всего-то в нескольких километрах от собственной усадьбы, так она называла свой скромный домик в два этажа с мансардой. В оба хозяйства вложено немало сил, средств и души. Вымеряя по кирпичику каждое здание, соотнося стиль строений с местными условиями и особенностями, она до сих пор смотрит на свои творения оценивающе пристрастно. Вот и сегодня, сидя на лужайке и случайно повернув голову на откуда-то возникший резкий звук, ее взгляд резанул какой-то незначительный пустяк – бесцветное, как будто обезличенное, цветное пятно. «Откуда оно взялось? Когда появилось? Неужели все ее эксперименты как-то меняют размерный порядок, изменяют окружающую действительность? И главное – не перемещают ли они точки пересечения? А, может, создаются новые? В одной ли среде все происходит? Меняется ли при этом временной отрезок? Все это нужно будет тщательно проверить. Но не сейчас», – она торопилась закрыть их от всеобщего любопытства, отложив посещение на более поздний срок. Сначала их предстояло измерить по основным показателям. Все это она держала в большом секрете, как от домочадцев, так и коллег по работе. Об их существовании знали единицы. Но все по-порядку.

С раннего детства девочка тянулась к знаниям. Казалось, ее интересовало абсолютно все, пригодится ли оно когда-то в жизни, или так и останется всего лишь одной из многочисленных страниц не востребованной части ее книги-памяти, это ее не останавливало. Она жадно глотала тонны букв из взятой в библиотеке литературы – художественной, научной, фантастической. Перелистывала невероятное количество газет и журналов в единственном городском читальном зале. Тратила все свое свободное время на поиск нужной в данный момент информации. Перетаскивала на себе горы изданий, чтобы, сидя над энциклопедиями и словарями, выписать себе в тетрадочку неизвестные ей значения слов, понятий, словоформ. Книжный магазин также был любимым местом ее священнодействия, в нем она приобретала зачастую несоответствующую ее возрасту публицистику, труды критиков, переписку знаменитостей. Все это ее интересовало не меньше, чем романы о нежных чувствах. При этом ее никто к этому не принуждал. Напротив, отец часто гнал ее на прогулки или пытался оторвать от очередного руководства выражением банальной обиды: «Ну, что же ты никак оторваться не можешь от чтения,

как ни заглянешь к тебе, ты все занята, ни пообщаться с нами не хочешь, ни развлечься». Она улыбалась в ответ или отмахивалась в зависимости от ситуации.

Не знала она и, что конкретно ищет, мало того, не всякий ее интерес приобретал статус постоянства. Многие сферы, в которые она окунулась, были задеты ею слегка, как бы для первого знакомства, и брошены в тот момент, когда, возможно, увлекли бы ее в свою пучину, чтобы впоследствии начать приносить плоды. То же самое наблюдалось и в практике. Ей нравилось петь – она попробовала себя среди участниц хора. А как только получила одобрение, выпорхнула из-под бдительного ока хормейстера в царство точно выверенных движений ног и порхающих бабочками рук. Грациозность, пластика, изысканность; создание необузданной стихии или изображение нежности проплывающей мимо лебедушки увлекало ровно до тех пор, пока она не осознала, что научилась владеть телом в зависимости от чувств и эмоций. И вот уже музыка и извлечение звуков ее манит больше, чем вся философия танца. Но с данной темой как-то не задалось сразу, ее привлекало фортепиано и скрипка, но к тому времени она уже опоздала к началу изучения столь методичных дисциплин. И не смотря на выданное прослушивающим ее преподавателем заключение о наличии отличного слуха, совету попробовать себя в поклонении аккордеону, домбре или балалайке не поддавалась. Вместо этого она обрадовала родителей желанием самостоятельно освоить игру на гитаре и пение под нее, без нажима и ожиданий великих побед с чьей-либо стороны. Благо, дворовых учителей и советчиков было предостаточно, а посему этому занятию она посвятила аж целых три месяца. Потом она просто поняла, что пальцы ломит, ногти ломаются, и былой красоты от грациозных когда-то ручек не осталось никакой. А поскольку все это было затеяно только для общего развития, то образование на этом и остановилось. Петь при этом она не перестала, а извлекать звуки из инструмента отказывалась наотрез. Так же ненадолго она прикоснулась к познанию дисциплин по домоводству: вязанию, шитью, вышиванию, поварскому делу во всех его ипостасях, времени на них никогда не жалела, полностью себя в их владение не отдавала, но и не бросала, продолжая периодически удивлять окружающих своими творениями. Уже ближе к окончанию средней школы она поддавалась соблазну научиться волейболу, на тренировки которому ходила в спортивную секцию до получения первого юношеского разряда и сломанного большого пальца. Параллельно тренировкам училась освоению рисунка, где быстро приобрела навыки правильного наложения теней, падающих от предметов, пользования акварелью, грамотно подбирая палитры цветов, а также грунтования полотна перед созданием на нем шедевров. Возможно, в этом направлении она добилась бы большего, но время выхода в свет подкралось неумолимо быстро. Из большого списка неизученных ею дисциплин, особенно интересна ей была генетика, за освоением которой и отправилась она, на долгие годы отрывая себя от любимых дел и спонтанного извлечения из них какой-то только ей известной пользы.

Если продолжать дополнять перечень того, мимо чего она так или иначе пробежала, зацепив неосторожно или умышленно, то можно написать руководство для родителей, под названием «Хобби для вашего ребенка» или что-нибудь в стиле «Чем занять дитя, пока вас нет дома». В любом случае, все это доставляло ей удовольствие, развивало в ней личность и способствовало неумолимой энергии познавать чужое мастерство. Она никогда не бросала начатое дело на полпути и всегда стремилась достичь хотя бы первых положительных результатов. Но как только похвала за проявленное упорство и достигнутый успех начинала еле-еле вливаться ей в уши, отодвигала его в сторонку, в надежде когда-нибудь еще не раз к нему вернуться. Запретов на подобные эксперименты тоже практически не существовало, ну пожурят ее порой окружающие за сопутствующие недоразумения и издержки, присоветуют, как надо было поступить, прежде чем начать свои естествоиспытания, на том и порешат. Отец же, как никто другой, всегда ее понимал и поддерживал, неважно, искромсала ли она новые простыни для опробования своих дизайнерских способностей или чуть не погубила собственноручно выращенный из косточки лимон, пытаясь привить к нему веточку мандарина. Девочка в поиске,

она не может остановить свое воображение и ее несет по волнам, то возвышая на гребне, то обрушивая в пучину. Все это опыт, и даже мелкие результаты и незначительный успех дают начальные представления для будущего дела, как база и основа.

Именно этот подход Лина использовала много позже, когда открывала свою школу-пансион. В качестве основного отличия от уже существующих образовательных учреждений она использовала свободу в выборе учениками, как видов изучаемого творчества, так и сроков, на которые они согласны устанавливать с ними тесное сотрудничество. Многих детей штурмило из стороны в сторону не меньше, чем когда-то ее саму, а другие, накрепко уцепив какие-то только им известные цели, продолжали выбранный путь до самого выпуска, имея возможность взаимодействовать с научными сообществами и публиковать результаты своих трудов. Она не питала особых иллюзий насчет прибыльности данного проекта. В большей степени, это был ее вклад в благотворительность. Вместе со спонсорской помощью, а также регулярной оплатой обучения одной третьей частью родителей, именно такое количество детей принималось в школу на коммерческой основе, всех полученных средств достаточно было только на оплату сотрудников учреждения, обслуживающего персонала, а также сопутствующих служб, таких как – охрана, медперсонал, и прочие. Содержание и развитие самой школы, а также все запросы учащихся она оплачивала из своих личных фондов, благо основной ее проект приносил прибыль, и был широко востребован. Но благодарность родителей и в первую очередь самих маленьких созданий была безгранична, и это вдохновляло ее, невзирая на трудности, к продолжению. По окончании обучения и получении выпускного аттестата все испытывали тяжесть и горечь расставания, а разлетаясь по миру и получив на стороне заветное образование специалиста, как правило, стремились вернуться в свою альма-матер, порой умоляя принять их на полставки или использовать на общественных началах. Установившиеся в школе доверительные отношения позволяли считать любому выходцу из нее своей семьей, в которую желали вернуться, дабы сообща и вместе продолжить когда-то начатое общее дело. Такая же ситуация наблюдалась и при наступлении каникул. Дети по большей части отвергали набеги родителей, а уж изъятие их из стихии всеобщего таинства наталкивалось порой на отчаянное сопротивление. Ни сулящие родителями подарки, ни поездки на море, никакие другие приманки не убеждали их оставить хотя бы на время начатый проект, поэтому порой приходилось заселять родителей поблизости от территории школы. Для этого неподалеку обустроивался туристический городок, дабы дать возможность побыть им вместе хоть какое-то время.

***

Сегодня у Егора был особый день, запланировано многое, ожидания, от которого также смелы, как и непредсказуемы. Все это требовало не только сосредоточенности на конечном результате, но и немалой толики удачи. И потому, проснувшись спозаранку и приведя себя в порядок, он выскочил на террасу в надежде увидеть ее, будто их встреча являлась неким разрешением действовать. Испив ни одну чашку свежесваренного, ароматного чая, он смотрел по левую сторону от фонтана, не отводя взгляда и на долю секунды, боясь пропустить сам момент ее появления. День вообще ворвался как-то стремительно быстро и потому несколько лишних минут ожидания казались ему целой вечностью. Не смотря на опустошенный до дна чайник, обычно так бодрящего напитка, никакого наслаждения он не ощутил – ее не было. Глянув на часы и чертыхнувшись на вчерашнее маменькино злословие, Егор поспешил в дом. Срочные дела требовали безотлагательного выезда. Город был недалеко, всего-то в часе езды по проселочной дороге. Но чтобы успеть порешать там свои дела, приходилось отпраиваться туда задолго до обеда. Помимо своих забот, кои были у него на верфи, нужно было еще посетить ярмарку. Меньше чем через неделю на маменькины именины соберутся гости, которых не удивишь картошкой с огурцами, а потому ему предстояло собрать все из прописанного роди-

тельницей списка. Ну и подарок прикупить особенный, чтоб порадовать диковинкой и отблагодарить ее за заботу. На верфи он задумал строить свой кораблик, поскольку судоходство и торговля приносили здесь наибольшую прибыль, по сравнению с земледелием и скотоводством. Посчитав однажды свою выгоду от возделывания земельных угодий и продажи урожая, он решил, что затраты не всегда оправданы и пора пришла выходить на новый уровень. Во-первых, конкуренция в этом деле большая, да и непогода порой вносила серьезные коррективы в доходность отлаженного когда-то папенькой дела. Во-вторых, матушке его замысел пришелся по душе. Ну и напоследок, дополнительный, пусть поначалу, заработок от продажи отсутствующего в тех краях товара, был как нельзя кстати.

Его слегка растрясло на ухабистой дороге, чувствовалось подташнивание и нестерпимая ломота во всем теле. Хотелось скорее размять, наконец, затекшие конечности и набить желудок чем-нибудь особенно приятным. Он принципиально воздерживался от плотного завтрака перед поездкой, налегая, как правило на душистый чай, чтобы только взбодриться и не ощущать дикий голод. Оставалось каких-нибудь минут десять-пятнадцать, и он позволит себе насладиться городскими яствами в облюбованном им трактирчике. А коль повезет, так и новости узнает, и друзей повидает. «И коляска, вроде бы, удобная, и лошадки спорые, а неудобства в дороге все же немалые. Как же дамы-то выдерживают такие перегрузки?» – подумалось вдруг ему, – «или им подушки помогают телеса уберечь?» Его мысль вдруг убежала от раздумий о галере, о лесе, привоза которого он так ждал и по причине которой ехал сейчас распорядиться. Под ложечкой уже подсасывало, и он все больше возвращался к размышлениям о физическом состоянии, нежели предстоящем деле. Город все еще был скрыт буйно разросшимися соснами, а создаваемая ими тень вызывала лишь неестественное желание заботиться о своем самочувствии.

Наконец, небеса разверзлись, взору открылся широкий простор заливных лугов и намечаемые очертания городской стены. На душе стало радостней, тишина и сумрак больше не давили в своих объятиях, а щебечущие птицы, казалось, воспевали приветственную «аллилуйю». «Ну и славно, добрались-таки» – обозначил окончание пути кучер Ванька, присвистнув лошадам и мягко охватив их по бокам своим кнутом. Коляска дернулась и ворвалась на вымощенную булыжником мостовую. Вот и трактир, с порога которого он уже слышал доносившееся: «Горыныныч! Какими судьбами?» Не дожидаясь полной остановки, Егор легко соскочил с подножки, бросаясь в объятия давнего друга: «Сема, рад безмерно, так давно хотел тебя встретить, да все дела не отпускали. Как у тебя? Родители здоровы ли? Говорят, сына ты еще одного народил? Ну, пойдём, есть хочу, мочи нет как». Они скрылись за дверьми заведения, благоухающим ароматами и обещающим получение незабываемого удовольствия. Удобно расположившись прямо у широкого окна, и заказав себе кушанья, поглощенные своими рассказами о житье-бытье и насущных проблемах, не обращая внимания на вновь входящих и удаляющихся, так увлеклись беседой, что не замечали ни времени, ни количества употребляемой пищи. Трактир тесно прилегал к гостинице, а поскольку хозяин обоих заведений был один, то и вход в первый из них был не только с улицы. Проживающим не всегда было удобно одеваться по погоде, чтобы всего лишь перекусить, а, чтобы они еще и не таскали в номера пирожков и закусок, особенно прикупленных на стороне, из последнего сделан был проход напрямую сразу из зала приема посетителей.

Наскоро разложив в номере свои вещи, она, не помышляя об отдыхе, спустилась в холл и, расспросив служащего о нужном ей адресе, поспешила пройти на чашку чая, чтобы дожидаться обещанных ей в путь лошадок. Егора она увидела сразу, как вошла, да и знакомый уже голос подтвердил ей, что это именно он. Стараясь быть как можно менее заметной, быстро прошла вглубь зала и села подальше, буквально прикрыв себя уже занятым гостями столиком. Для всех она была Громова Дарья Дмитриевна, урожденная в этих краях и отправленная в малые годы на обучение в пансион. Папенька ее меньше года назад уехавший за границу и не давав-

ший о себе знать, оставил дочери богатое состояние в виде процветающей усадьбы и вложенных в бизнес ценных бумаг. Домом управляла экономка, рачительная пожилая дама, знававшая хозяев с их рождения, потому, как и сама воспитывалась при нем, и проводившая в путь иной ни одного домочадца. Она не позволяла себе безрассудства и расточительности, и содержала хозяйство в бережливости, но и в заботе, своевременно предотвращая его от разрушения. Поскольку отъезд хозяина был скорым и по большей части незапланированным, то многие указания сделаны им не были. Приходилось действовать, самостоятельно принимая решения, записывая на листочках причины таких ее поступков и связанные с ними затраты. Матушка-хозяйка простилась с ними давно, не пережив чахотки и страданий от потери детей. Единственной надеждой на обретение счастья в этом доме было возвращение старшей хозяйской дочери. Она родилась еще в первом его браке, и к хворям вроде бы была не предрасположена. Родительница ее, болезненная другой оказией, сбежала с заезжим иноверцем в чужие края, чуть отойдя от родов первенца, заниматься которым не посчитала для себя необходимым. Тем не менее, девочка росла добрая, ничем не озабоченная, и к ее пяти годам, папенька, не чаявший в ней души, решил на обучение дочери наукам, за получением коих и отправил ее в пансион. Что уж там произошло, никто так и не признался. Только через два с небольшим года девочка пропала. Горе отца было столь безгранично, что пустился он во все тяжкие, и горькую попил изрядно, и дебоширил, теряя друзей и соратников, да и капиталец свой чуть в конец не промотал на кутежи и бездействие. И как знать, до чего могло бы дойти дело, но вовремя подвернулась ему молодуха, увлекшая новой мечтой и вселившая надежду на то, что не все еще потеряно. Некоторое время и правда все складывалось, как нельзя лучше, но как только молодая жена начала рожать, горе вернулось в дом, забирая одного за другим, как малых, так и старых. Вот так, дожив до своих неполных пятидесяти и оставшись один-одинешенек, получил он однажды письмо из далекой страны, излагающее, будто видели там его Дашеньку, сначала махонькой, а потом и подросткой. Немало не сомневаясь в подлинности полученной информации, сорвался он в путь-дорожку на поиски единственного оставшегося родного человечка. Да пропал и сам. Ни писем не слал, ни сам не объявлялся.

Задача у Даши была не простая, нужно было не только расположить всех к себе, но и в короткие сроки заручиться их поддержкой и посильной помощью. А наряду с тем, что существовал ряд ограничений в выборе способов решения ее проблем, ей необходимо было найти на месте другие, более простые методы, никого при этом, не напугав и не причинив более тяжелых последствий. Привлекать к своей работе кого-то извне она также не могла, да и посвящать, кого бы то ни было, не представлялось возможным. При всем при этом она должна была оставаться естественной и не вызывать своими действиями никаких подозрений. О Егоре, в отличие от своего отца, она ничего не знала, поэтому и не стремилась обратить на себя его внимание, и уж тем более не рассчитывала в первый же день своего прибытия столкнуться с ним нос к носу. Потому, как только подали лошадей, поспешила покинуть трактир, обходя присутствующих в нем едоков, не через центральный проход, величественно ступая, а окольно огибая столики, чуть отвернувшись от гостей, будто занята разглядыванием интерьера. Тем не менее, стоило ей выйти на крыльцо и пройти к коляске, как она очутилась в поле его зрения, и, не смотря на занятость беседой, он ощутил, как сквозь его тело со сверхзвуковой скоростью стремительно пронесся разряд молнии. Не сразу осознав, что это не сон, и слыша через приоткрытое окно, как она называет нужный ей дом, он вскочил и без объяснений сотоварищу своего внезапного бегства, ринулся к своим мирно жующим сено лошадам. Вскочив же на спину одной из них и крикнув Ваньке оставаться на месте, пустился во весь опор, догоняя свою мечту...

Будни

Основных забот у Лины и без того хватало, и все же школе она уделяла очень много времени. Так уж сложилось, но это свое детище она холила и лелеяла, невзирая на занятость и усталость. Занимаясь программами развития детей, поиском для них средств, подбором и обустройством необходимых приспособлений и инструментов, она не забывала и о преподавательском составе. Обеспечивая их всем необходимым для процесса обучения подопечных, помогала им решать и их личные бытовые вопросы, но и в ответ требовала всецелой самоотдачи. Особое внимание всех сотрудников школы было направлено на установление доверительного отношения детей, как между собой, так и со взрослыми. И оно того стоило, так как позволяло вовремя скорректировать или предотвратить нежелательные психические отклонения, проступки, отсутствие или потерю интереса, а порой даже накопившуюся усталость. Деткам же это давало возможность учиться принимать на себя ответственность за начатое дело, умение признавать открыто свои ошибки, либо вовремя обратиться за поддержкой, помощью.

Как-то Лина заметила, что недавно поступившая воспитанница, проявлявшая себя активно и на занятиях, и на отдыхе, слишком часто стала ей попадаться на глаза, сидящей поодаль от всех остальных, свернувшись комочком и не обращающей внимания на игривость и радость окружающих ее детей. Можно было бы списать ее уединение на размышление и обдумывание чего-то сокровенного, или решение вопроса, как воплотить надуманную ею фантазию в жизнь, если бы не украдкой смахиваемые слезы. А поскольку лужица от падающих соленых капелек из огромных красивых глаз грозила стать немалой, чтобы предотвратить ее появление, Лине предстояло сначала как-то обозначить свое присутствие. Она неестественно громко отозвалась на приветствие проходящих мимо мальчишек. И заодно поинтересовалась у них, не видели ли они физрука, заранее зная, что они могут только предполагать, где тот мог находиться. Крошечка-несмеяна, тем самым, отреагировала на резонирующий в привычном переливе детских голосов звук нового тембра, она отвлеклась от своих горестных мыслей и поспешила удалить остатки мокроты на своем милом личике. Но позу так и не сменила, оставаясь до поры до времени в коконе и наблюдая украдкой за внезапным вторжением. Лина подбодрила своих собеседников пожеланием доброго настроения на грядущие дела и с нескрываемым любопытством, произнося: «А кто это у нас тут грустит?» – направилась прямо на изрядно промокшее от слез создание.

– Привет, мой котик! Как у тебя дела? Ты уже с кем-нибудь подружилась? – все ответы она знала заранее, тем не менее, надо было с чего-то начинать разговор. Не каждый ребенок станет изливать душу по первому требованию, особенно еще малознакомому человеку. Кто-то побоится огласки, другой – насмешки, а третий – просто испугается и замкнется только от того, что на него вообще обратили внимание.

Машенька была ребенком открытым, она, слава богу, не сталкивалась с издевками и осуждением, и потому, наверное, на первых же услышанных в ее адрес словах, вспыхнула румянцем, распрямилась как резвая кошечка перед прыжком и бросилась в объятия Лины. Не дав себе ни минуты для оценки сложившейся ситуации, и предотвращая дальнейшие расспросы, она извергла из себя громкие рыдания, прерываемые обрывками слов: «моя Маруся, семеро котят, я видела, она померла, во сне».

– Подожди, солнышко, ты так торопишься, чтобы ничего не забыть и все успеть рассказать, что мне не все понятно. Где ты это видела, когда, может быть, ты ошиблась? Давай-ка, сначала уйдем отсюда в какое-нибудь укромное местечко, а потом ты успокоишься и все мне поведаешь, – она взяла Машу на руки и унесла в нишу, создаваемую лестницей между двумя этажами, там располагались удобные диванчики, на которых детки обычно замыслили свои «коварные» замыслы.

У Маши был особенный случай прихода в школу. Ее благополучная когда-то семья растаяла в один миг. Сначала она утратила горячо любимого отца, ушедшего из жизни по собственной воле. А вслед за ним неутомимая сила разрушения, отобравшая бизнес у отца, настигла и ее мать. Потерявшая надежду и опору женщина, подверглась еще и физическому истязанию, дабы не воспрепятствовать своим правом наследования тем, кто уже считал себя единственным владельцем их капиталов. Реабилитационный центр, где она находилась, был основным и главным делом Лины. Именно так она и узнала о месте пребывания Машеньки и ее внезапно настигшем горе. Нисколько не сомневаясь в своей правоте, она нашла девочку в богом забытом интернате и оформила ее под свою опеку, давая тем самым маленькому созданию развить свой потенциал в правильной среде. Вот только ребенок, единомоментно лишенный всего, что ему было столь дорого, не мог принять, что все оставшееся позади больше не существует, и никакие страдания не в силах этого исправить. Даже если бы Лина нашла Маше ее кошку вместе со всем ее приплодом, завтра пришли бы новые причины истязать себя горестными мыслями с целью возвращения утраченного. А с ними непременно явились бы и слезы, и желание уединиться.

Тем не менее, выслушав сумбурную речь рыдающей девочки, прижимая ее и поглаживая, она пообещала, что обязательно узнает, куда пропала ее кошка, и расскажет сразу же Маше, чтобы решить, что делать дальше. Ребенок немного начал приходить в себя, почувствовав заботу и надежду. Казалось, вот сейчас она переведет дух, вздохнет еще разок поглубже и не останется малейших намеков на издаваемые телом судорожные сокращения, всхлипывания и безудержный водопад. Не тут-то было. Маша, ощутив, что решение ее проблем сейчас зависит от Лины, разразилась новым приступом выплескивания из себя одновременно и слез, и слов: «Элиночка Сергеевна! Пожалуйста, можно мне повидаться с мамой, я очень соскучилась». Вот в чем была основная причина ее боли и страданий. Вовсе не милое домашнее существо ввело ее в мучавшую сердце неопределенность, а с ней и отчаянье. Девочка осознавала свою потерю, но все еще искала возможность вернуть назад, пусть не все, пусть часть, но ей она была необходима.

– Конечно, Машенька! Что же ты никому не сказала, что так сильно скучаешь по маме? И мамочка по тебе соскучилась тоже. Только, радость моя, давай договоримся, мама не должна видеть твоих слез. Пойдем-ка, посмотрим в зеркало, как ты думаешь, мамочка обрадуется, увидев такую тебя? Или твое личико ее огорчит? А маме нужно поправляться, и волновать ее нельзя. Поэтому ты больше не плачешь, глазки не трешь, и как только станешь похожа на саму себя, а ни на царевну-несмеяну, так мы сразу же отправимся к маме. Ты согласна со мной?

– Да, – тихо, чуть слышно, произнесла Маша.

Конечно, в настоящий момент это была всего лишь отговорка, и для любой матери видеть свое дитя живым и невредимым, пусть и заплаканным, наивысшее блаженство. Но Лине нужно было подготовить их встречу, а для этого нужно было время. Слава богу, Маша поверила, она взяла Лину за руку и произнесла как своей подруге: «пойдем ужинать».

Лина любила детей за честность, открытость, непосредственность. При малейшей возможности старалась присутствовать на их уроках, пообщаться лично или выслушать серьезные проблемы, которые они пытались решать самостоятельно. И дети не переставали ее никогда удивлять. Иногда казалось, что им под силу любая глобальная человеческая трудность. Сколько таких случаев принятия ответственных решений разворачивалось на ее глазах. Однажды на уроке истории второклассники познакомились с летоисчислением. Учительница уже рассказала про юлианский и григорианский календари, разницу между ними и почему не все страны одновременно перешли на единое время. На доске были написаны несколько дат, а ученики должны были перевести их на наше время и пояснить, является ли это праздником. Дети так увлеклись процессом, что забыли про шмыганье носами, шушуканья и смешки, слышны были только поскрипывания пишущих ручек и кое-где похрустывания костяшками пальцев, загибаемых при счете. Кто-то уже завершил задание и, чтобы не отвлекать остальных, произ-

водил пересчет собственных дат. На какой-то момент тишина наступила идеальная, ребята закончили свои дела и внимательно проверяли, чтобы исключить ошибки. Вот в этот момент и раздался «глас народа»: «Вот это да! Как же жить то теперь дальше? Это что же такое делается то? Ведь непорядок!»

– Юра, что у тебя произошло? – подходя ближе к вопиющему отозвалась учительница.

– Вот это да! Татьяна Леонидовна, это что же в 2101 году новый год наступит 2-го января? А девчонок мы 9-го марта поздравлять будем? Ну как же так-то? Может быть, праздновать и по старому стилю и по-новому, так хоть не обидно будет. Да и президенту надо писать срочно, пусть придумает, как исправить эту ситуацию, пока не поздно.

Класс только что сидевший в идеальной тишине взорвался диким хохотом, писком и возгласами.

– Балда, ты доживи сначала!

– Точно, Юрасик, проблема!

– Ой, не могу, у тебя подарков на два дня поздравлений хватит?

Смеялись все, Лине же врезался первый произнесенный Юрой вопрос – «как же жить дальше», – вот так глубоко они столь малые своими возможностями, принимали к своему сердечку чужие грядущие неудобства.

***

Что такое десять лет жизни? Когда ты совсем мал, время тянется слишком долго, минуты следуют одна за другой, а изменений почти не наблюдается. Долгие штудирования и муштрования дисциплин изо дня в день доставляют не только массу неудобств, но и создают иллюзию, что это никогда не кончится, жизнь скучна, раз требует приложения таких усилий, и самым главным становится желание скорее вырасти. Как по мановению волшебной палочки перенестись из настоящего, обремененного необходимостью выполнять требования старших, в то прекрасное будущее, где сам себе хозяин и всегда есть выбор. Когда же безоблачное детство далеко за плечами, юность оставила неизгладимый отпечаток восторга от вовлеченности во что-то сокровенное, и будни надвигаются вместе с чередой нерешенных проблем, каким-то комом смешивая все воедино, ощущение времени становится безвозвратно ускользающим. Чувствуется катастрофическая его нехватка, редко, когда удается помечтать, пофилософствовать или просто предаться воспоминаниям. Вероятно, еще по этой причине ее так тянуло к детям, с ними можно было расслабиться, привести им примеры из своего детства, или предложить вместе придумать какие-нибудь идеи для решения того или иного вопроса. Вот и сейчас Машаковырялась вилкой в тарелке, выуживая те кусочки, которые ей были особенно по нраву, а Лина вспомнила своих кошек. И если первые две оставили в ней только умиление, поскольку в обоих случаях она сама была мала, и интерес к ним был связан преимущественно с фактом наличия своего собственного питомца, то последняя стала для нее членом семьи. Это уже был особенный процесс и воспитания, и наблюдения за повадками, не говоря уже о заботе и перживаниях.

Лина жила тогда в общежитии, уже не студентка, но еще не вполне полноценный специалист, потому как полученные знания еще только предстояло использовать на практике, тем самым и зарекомендовав себя в качестве ценного сотрудника. Но отдельная малогабаритная квартирочка, вселявшая тогда надежду на светлое будущее, была решающим фактором при выборе места работы. В коллектив сотрудников она влилась быстро, а поскольку работавшие с ней коллеги в основной своей массе и проживали в одном здании, то особо напрягаться с выстраиванием взаимоотношений не пришлось. Девчонки, чуть постарше ее, сами без каких-либо условий приняли в свой дружеский междусобойчик, а тети солидного возраста «взяли над ней шефство», буквально интересуясь каждым ее шагом и мыслью. Поначалу всегда

так бывает, интерес прямо пропорционален количеству неизвестного, и обратно объему уже собранных фактов. Чтобы не быть излишне назойливой, Лина старалась не лезть туда, куда не зовут, и не раскрывать рта, когда не спрашивают. Чуть позже настало время «расплаты», и эта стадия отношений ей тоже была знакома, она была всегда наблюдательной, и замечала порой даже искусно спрятанные фальшивые нотки. Одной из таких обязанностей выручить подругу стала необходимость взять у нее последнего котенка, которого никак не могли пристроить. Лина не особо жаждала завести питомца, но и активных сопротивлений тоже не оказывала: «Ну и ладно, пусть будет», – рассуждала она, видимо, в тайне надеясь, что все рассосется само собой. Котята были еще маленькие, полуторамесячные, от обычной беспородной кошки, когда их начали раздавать, но при этом все правила этикета при раздаче соблюдались безукоризненно. Их хозяйка грозилась потенциальному новому владельцу не отдавать живое существо, если оно само не проявит своего, на-то согласия. Как-то перед уходом с работы, Лину окликнула эта соседка, будто укоряя ее в чем-то: «Ты передумала что-ли кошку забирать, я ведь так никому больше ее и не предлагала, для тебя берегла». Лина поняла, что деваться некуда, и, не заходя к себе домой, сразу прошла за маленьким созданием. Раздевшись и приготовив на откуп монетку, она села на выставленный для нее посреди комнаты стул и стала ждать. «Если не выйдет, уж извини, не отдам», – заранее предупредила ее соседка и ушла готовить чай. Лина не часто к ней захаживала, девушка была несколько дерзковата и славилась нелестными оценками по поводу умения посудачить. Переодевшись и приготовив чай, она вошла в комнату с ехидной фразой: «Хоть бы ради приличия сама поискала ее, не хочешь похоже брать, да и у нее не особо к тебе душа рвется». В этот момент откуда-то из-под дивана выскочил совсем крохотный черный комочек и покатился прямо Лине в ноги. Она не сразу сообразила, что это и есть ее будущий питомец, ей показалось, что котенок выкатил на нее мячик или игрушку. «Ну, вот и познакомились, ишь ты, услышала, что я тебя ругаю и защищать прискакала» – попытожила хозяйка дома, разливая чай. «Я не буду», – отозвалась Лина, – «я сначала поужинаю дома», – она подняла с пола уткнувшееся в ее ноги маленькое черное живое существо, прижала к груди и поспешила удалиться. Уже на выходе вспомнила о монетке, положив ее на тумбу, попрощалась и пошла к себе. Ее охватило какое-то непередаваемое чувство единства с этим котенком. В голове, будто тикали слова: «Боже, да я ее спасла!» Придя домой и, отпустив кошечку на пол, давая ей возможность познакомиться с новым домом, она продолжала находиться под оцепенением только что произошедшего и выполняла все свои обычные действия на полном автомате. В какой-то момент она услышала громкий писк и пошла на зов, ничего необычного не произошло, комочек лежал у самого порога и нещадно выдавливал из себя резкие звуки, никак не похожие на кошачье мяуканье. Как только Лина взяла его на руки, писк прекратился. Лина достала приготовленный пакетик корма и, выдавив в миску его содержимое, накормила питомца, налила заодно и водички, кошечка и ее попробовала. И только после этого опять подошла к Лине, уткнулась своим носом в ее ноги и затихла. Как только Лина перемещалась и пропадала из зоны видимости, истошный писк возобновлялся. Ближе к ночи, соорудив для маленькой бестии спальное местечко, она перенесла ее туда и, поглаживая, дождалась привыкания и засыпания. Но стоило ей выключить свет и лечь в постель, как писк вновь разнесся по квартире. Вставая, убаюкивая и ложась несколько раз подряд, она окончательно сдавалась и положила свою новую подружку к себе в кровать, боясь только одного, не задавить бы подопечную во сне. А наутро не смела даже предположить, как эта крикунья проведет целый день без своей свежее испеченной хозяйки.

***

Пока она предавалась воспоминаниям, Машенька совсем оттаяла, наслаждаясь вкусностями, стала щебетать, как птенчик, рассказывая о маме, какая она у нее хорошая и добрая,

как Маша любит свою мамочку и как по ней скучает, но уже без слез, а с воодушевлением, рассчитывая на их скорую встречу. Детей в школе никогда не обманывали. Если были причины отказа, то говорили об этом сразу, объясняя сложности и обрубая всякие концы, чтобы не было необходимости возвращаться к одному и тому же вопросу дважды, но более всего, чтобы дети понимали, что им не лгут и никогда не будут этого делать. Хоть и существует такое понятие, как «ложь во имя спасения», деткам не стремились его преподносить в качестве единственно возможного варианта. Поэтому Лине предстояло назавтра максимально сосредоточиться на маме Маши, привести ее в состояние полной восприимчивости своего дитя, рассказать ей, как Маша подросла, заинтересовать в их встрече. Это было не просто, большая несколько месяцев отвергала вообще факт существования у нее когда-то семьи, и только в этом состоянии становилась спокойной и вполне адекватной. Но стоило задеть ее мозг какими-нибудь воспоминаниями о былом, она превращалась в буйно помешанную, угрожающую всем и вся самоуничтожением. В центре она находилась чуть больше полугода, привезли ее полным овощем из одной психиатрической клиники, накачанную успокоительными средствами и не подающую никаких надежд на прогресс в выздоровлении. А до этого еще полтора года пробовали привести ее в чувство всеми приемлемыми средствами, под конец, отказавшись от дальнейшего лечения и переведя ее в состояние сомнамбулы. Лина увидела ее в крайне запущенном прогрессирующем расстройстве на одной из конференций, когда на основании ее клинического диагноза один из специалистов выносил вердикт по поводу неэффективности одного из новых препаратов. Тогда и попросила перевести ее в свой реабилитационный центр. Сейчас по прошествии шести месяцев с момента ее первого появления, она буквально ожила: самостоятельно заботилась о себе, вела активную жизнь, даже читала, но категорически отказывалась смотреть телевизор, ощущая панику от одного только упоминания о нем, и впадала в полное отчаяние, когда с ней пытались говорить о прошлом.

Лина не была профессионалом в психиатрии. Мало того, даже специалистом себя никогда не считала. Хотя за долгие годы работы в диагностическом центре и непосредственном участии в различных экспериментальных исследованиях, а в большей степени по причине ее личной ответственности за каждый такой случай, в виду того, что являлась заведующей всего этого царства реабилитации, поднаторела не только в рассматриваемой науке, но и многих других, благодаря своей способности легко справляться с процессом изучения всего неизведанного. Кроме того, здесь же работал и ее друг, профессор психиатрии Евгений Алексеевич Невзгода, с которым у них была одна маленькая тайна на двоих и безграничная симпатия друг к другу. Познакомились они совершенно случайно, принимая участие в дебатах на одном из научных форумов. Оба отстаивали свою точку зрения относительно знаний собственных дисциплин, пока один из академиков их не разнял, объяснив, что они не противоречат друг другу, а дополняют, на том и порешили. Выяснив чуть позже, что живут в одном городе, решили встретиться. Так и завязались их дружеские посиделки, сотрудничество, а позже родилась и общая идея.

Смелые начинания

Но это случилось уже после того, как Лина потеряла работу, оказавшись без перспектив куда-либо трудоустроиться по профессии, средств к существованию и надежды на то, что все каким-нибудь образом изменится к лучшему. Исследовательская лаборатория, в которой она тогда работала, начала терять гранты, благодаря неумелому выбору разрабатываемых тем ее руководителем. Постепенно сокращая численность работников, и платя им мизерные зарплаты, он и сам уже не надеялся возродить былую славу, и так плывя по течению, подбирая крохи, в конце привел свое хозяйство в негодность, а впоследствии согласился с руководством о закрытии лаборатории. Поскольку волна экономического спада еще только начиналась, каждый держался за свое место буквально зубами. И запись в трудовой книжке «научный сотрудник», да при этом с наличием степеней, больше мешали, чем помогали. Руководитель любой лаборатории боялся принимать к себе в штат сотрудника с опытом и почестями, прежде всего боясь за свое насиженное место. Приходилось мыть подъезды, шить и вязать на заказ, заниматься копирайтерской работой в интернете, собирая по крохам на пропитание. Порой измученная физически и эмоционально, она впадала в такую панику от безысходности, что часами не слышала ни звонков телефона, ни громкоговорящего телевизора. Устав от переживания из пустого в порожнее никому не нужной информации на разных сайтах, решила однажды написать статьи о собственных знаниях тех тем, которые ей были наиболее близки. Тогда же, размещая их в публичный доступ, увлеклась и их обсуждением. А позже присоединилась к разработкам других авторов. Тут ее и заметил ее бывший преподаватель, Антон Степанович Перегма, занимавшийся в тот момент новыми исследованиями и подбиравшим площадку для их размещения. Разглядев в двух конфликтующих между собой сторонах некое целое для будущей работы, списался сначала с Элиной. Расспросил о жизни, посочувствовал о текущих проблемах. А через неделю после того явился лично с предложением возглавить диагностический центр, который предполагалось создать на базе существующей психиатрической лечебницы, недалеко от города, в котором она проживала. Рассказал о предполагаемых масштабах строительства, темах будущих исследований, направлениях деятельности центра и его развитию. Такое ей даже во сне не могло присниться.

Конечно, она согласилась, заручившись поддержкой своего протеже. А войдя во вкус, начала охоту на «великие» умы в своем городе. Позже недалеко от центра выкупила часть земли для строительства дома для себя и оформила аренду под возведение жилого городка сотрудникам центра. Дело ее росло и развивалось, тематика исследований была государственного назначения, по большей части под грифом «секретно». Помимо генетических исследований и их взаимосвязи с другими дисциплинами, постепенно возникали и разные сопутствующие им направления, как психиатрия, хирургия, кардиология. А с ними приходили и люди, живые, стремящиеся к прогрессу, смелые и активные. Постепенно их новый район, расположенный в тридцати километрах от города, стал разрастаться вширь, работники переезжали из центра, не сожалея брошенных удобств, находя прелесть в проживании за его чертой. Единственным нерешенным вопросом оставалось отсутствие школы. Но городские чиновники, видя успех развивающегося дела, приняли решение, что выделят городку специальный школьный автобус, обосновывая тем, что финансы поют романсы, а городские учебные заведения станут недогруженными при строительстве школы в их поселении. Тогда Элина и замыслила еще один проект, привлекая на свою сторону спонсоров и меценатов и попутно собирая «дань» с диагностического центра.

***

Женька, был действительно психиатр от бога. Тогда в их первый день знакомства, не зная всей ее подноготной, по одним только репликам в ответ на его расспросы, он выдавал кучу всяких оценок ее характера. Она терялась в догадках, откуда он так точно определяет ее систему ценностей. Он не стал скрывать, что владеет многими методиками и способен оценивать поведение человека по тому, какие слова тот употребляет, какую мимику использует, присутствует ли при этом жестикация, и как, в общем, он выглядит. Лина на мгновение испугалась за продолжение их отношений, потому как тоже немало знала на этот счет, хотя это и были ее собственные выводы на основе своих наблюдений. Но ей было интересно с ним и потому знакомство продолжилось. Кроме того, у нее было много маленьких скелетиков, которые можно было бы отретушировать, но самостоятельной обработке они не поддавались, и Женькина помощь в этом деле была бы как нельзя кстати. У него же напротив был свой мотив к продолжению знакомства, он долго искал себе спутницу жизни и все более разочаровывался в психическом состоянии, встречавшихся на его пути представительниц прекрасного пола. Увидев в Лине, стойкого оловянного солдатика, способного вынести любой удар, и даже достойно без истерик выйти порой победителем, он был покорен ее рассудительностью, аргументацией и умением слушать и слышать. Буквально через месяц они начали понимать друг друга с полуслова, их обоих тянуло друг к другу. Но как только очередные границы между ними разрушались, она по какой-то причине воздвигала все новые более крепкие стены и барьеры. Не понимая причин ее отдаления, однажды на совместном отдыхе, нисколько не смущаясь присутствия коллег, он выхватил ее из толпы, прижал к себе, сжав в своих объятиях так, что ей и пошевелиться было невозможно и глядя в глаза задал самый глупый, по ее мнению, вопрос на свете: «Неужели я так тебе противен?» Как ей хотелось в этот момент кричать: «Женька, Женечка, милый, да я люблю тебя!» Вслух же она произнесла, еле шепча: «Жень, отпусти, потом поговорим, дело не в тебе, а во мне». Он отпустил, зная и этот умоляющий взгляд, и даже тон, окраску произносимых ею слов. Теперь она открыто избегала совместного времяпрепровождения, а сталкиваясь с ним в стенах центра, вела себя нарочито серьезной и слишком занятой. Месяца два спустя, оставшись случайно с ним наедине, она сама начала разговор, предваряя вопросы и высвобождаясь от его прикосновений.

– Жень, Женечка, услышь меня, пожалуйста, ты умен, талантлив. Ты очень внимателен ко мне. И я запросто могла бы этим воспользоваться ради себя, своей выгоды, своего личного счастья. Но я не могу так тебя обмануть. Тебе нужно продолжать свой род, я в этом уверена, поверь мне, хотя бы, как генетику. Я не способна больше рожать, и это будет несправедливо по отношению к тебе. Это будет бесчеловечно вообще к твоему существованию и предназначению. У меня есть сын, я познала счастье материнства, я продолжила свой путь в этом мире. Я не хочу стоять у тебя на пути. Поэтому мы можем быть только друзьями. И это не обсуждается.

– Если я скажу тебе, что у меня есть дети, пусть мною не воспитываемые, это решит проблему? Я могу сдать сперму в банк, пусть желающие ее используют.

– Нет, они должны воспитываться тобой лично, именно ты должен закладывать в них свои представления о жизни, ты же сам все это знаешь.

– Значит так, мы вернемся к этому разговору через год. Мне будет достаточно трех месяцев на отбор и оплодотворение нескольких особ, далеко нелегкого поведения, но воспитывать их будешь ты, само собой под моим присмотром и руководством.

– Нет, Жень, ты не способен отобрать дитя у матери, если это не так, то я вообще сомневаюсь, что нам с тобой по пути...

На этом оба замолчали. А потом Женька исчез, его не было два месяца, и никто не знал, куда он испарился и когда вернется. Лина очень сожалела о том, что позволила себе заговорить с ним об этом, она чувствовала свою вину и боялась самого худшего. Через два месяца он вернулся, какой-то измученный, потрепанный, как мартовский кот, и молчаливый. Поздно вечером он постучал к ней в дверь:

– Я все расскажу, не прогонишь?

– Заходи.

Она достала большое полотенце, махровый халат и пошла в ванную, набирать ему воды.

– Ты голоден?

– Да, что-нибудь на скорую руку можно?

– Есть курица запеченная, салат, будешь?

– Угу, – он улыбнулся ей, и она увидела отсутствие двух передних зубов.

– Все так страшно, Жень?

– Уже нет.

Он глотал еду, не прожевывая. В какой-то миг, она его остановила, отправив в ванную, ей вдруг показалось, что у него может случиться приступ от внезапного избытка еды и ее несварения. Он покорно подчинился, закрыв краны и погрузив себя в воду, Женька на долю секунды приподнял глаза наверх и уснул, окутанный теплом и спокойствием. Минут через десять она не выдержала, подойдя к ванной комнате и прислушиваясь, она испугалась, рванула на себя, оказавшуюся открытой дверь, и увидела, как ее друг мирно наслаждается сном. Попытка разбудить его ни к чему не привела. Тогда она намылила мочалку и стала натирать его тело, избавляя от пота и грязи, затем вымыла его буйную головушку, и под конец слив полностью остатки воды, ополоснула его свежей, чуть бодрящей тело струей. Женька все равно не проснулся, он лишь скукожился слегка от охолонувшего его потока, и, повернувшись на бок, продолжил сон. Чтобы он не замерз, она насухо вытерла его, принесла махровые простыни и подушку. Свет в ванной выключать не стала. Подождала еще часа два, занимаясь своими делами, наведальась к нему в облюбованные им апартаменты, принесла еще шерстяное одеяло, укутав его с головы до ног и ушла спать. Уже под утро, она почувствовала его нежные объятия и растворилась в них, прижавшись к его душистому теплему телу.

Опустошение

Город, находившийся чуть западней от водохранилища, представлял собой средоточие парковых хозяйств, бизнес-центров, объектов социальных структур и спальных районов, порой образующих своеобразные городки, но чаще перемежающиеся между собой. Все градообразующие предприятия были вынесены за черту города к югу от водохранилища. Поскольку на дворе стоял разгар знойного лета, то большая часть детей и стариков, отдававшая дань свежему воздуху, отдыху на природе или труду на земле-матушке, были вывезены в садово-огороднические хозяйства, санатории, оздоровительные лагеря и им подобные культурно-развлекательные учреждения. Одна пятая трудоспособного населения, вышедшая на смену, в поте лица добывала на хлеб насущный для своих семей на рабочих местах, кои располагались не ближе двадцати километров к городу. Оставшаяся часть немалочисленного по количеству жителей городка мирно отдыхала в надежде на завтрашний день.

А вот его-то как раз и не случилось. Женька со студентом-практикантом Сашкой, как это и было заведено, вышли из своей «неприступной крепости» для осмотра, подъехавшего к КПП рефрижератора. Метрах в ста от них начинался мост, а сразу за мостом открывалась картина полуспящего царства. Поскольку городок равномерно освещался уличными фонарями и неоновыми подсветками, ощущения полного погружения в безмолвную тьму не создавалось. Он как новогодняя елка переливался то вспыхивающими, то гаснущими огоньками и заставлял смотреть на себя неотрывно, в ожидании чего-то таинственно-несбыточного. К ним присоединился и водитель, тихонько, как будто наощупь здороваясь и восхищаясь красотой. Выкурив по сигаретке и обменявшись между собой парой-тройкой привычных фраз о дороге, погоде и жизни, они уже было направились к стоявшему на обочине десяти тонному железному ящику. Но замороженные общей манящей спокойствием перспективой, вдруг резво повернули головы сначала к востоку, а потом сопровождая их движением по окружности и охватывая весь периметр. Именно в такой последовательности наблюдались сначала яркие вспышки, потом звучал скрежет лопнувшей гигантской струны и будто ластиком стираемые очертания, только что изобилующих светом строений. Город погружался во мрак. Наспех закрыв КПП, все трое ринулись через мост, там располагалась автостоянка с припаркованным Женькиным Рено. До города оставалось не больше километра, проезжая часть, будто огурцами напичканная банка, была усыпана несвойственному часу и количеству людьми, пешими и вооруженными железными конями. На Женькины сигналы никто не отвечал, все толкались, перемещаясь, как черви, пытающиеся выбраться наружу из накрепко скрученного клубка. Он выскочил из машины, матюками обложил суетящуюся толпу и, протиснувшись к держащим оборону полицейским, не дающим прохода, стал задавать вопросы. На его призывы никто не отвечал, переговариваясь между собой какими-то обрывками фраз, периодически покрикивая на толпу, они и сами не знали ответов, а также того, что следует делать. Попытки установить связь с городом успехом не увенчались. Все присутствующие понимали, что что-то произошло с электричеством, но почему в таких масштабах и сопровождаемые световыми эффектами, оставалось загадкой. Не поддавалось никакому объяснению и то, почему никого не пропускают, неужели обрывы линий электропередачи настоль значительны, что угрожают опасностью. Ребята держались молодцом, в надежде на то, что в городе хватает стационарных генераторов, которые непременно запустят и восстановят связь. Нужно было только немного подождать. Вняв объяснениям, народ угомонился, кучкуясь, расположился в стихийно созданные кружки, кое-где даже наметив для розжига костерки. С заводов к городу примыкала еще одна дорога, располагавшаяся практически вдоль побережья. Женька заметил какое-то странное перемещение огней на ней: сначала колонна медленно двигалась к городу, но по мере приближения

несколько первых огоньков пропали, после чего все оставшиеся включенными огни замерли на месте. А еще чуть позже как будто дали деру в обратном направлении.

Что же с ними происходит? Там же профессионалы – энергетики всех мастей, МЧС, пожарные бригады. Первые отблески утренней зари уже начали пробиваться над горизонтом. Не далее, чем метров в двухстах-трехстах, от того места, где они располагались, над землей парили клубы тумана, как маленькие комочки облачков, равномерно усыпавшие всю окрестность. Они не закрывали обзор, а лишь обрисовывали очертания местности. Женька заметил, что именно по этой границе с внешней стороны везде поодаль виднелись разоженные костры. «Как много отшельников, скитальцев, – подумалось ему, – не сидится же дома». Он выбрался из машины, потянулся и прикурил. Подойдя к полицейским, браво похлопал по плечу одного из них: «Привет, Мороз! И ты здесь. Как дела то?»

– Хреновы наши дела, Жека, города то не видно.

– Да, лан, не бойсь, счас как рассветет, нагладишь еще.

– На, – Морозов протянул Женьке бинокль, в разрешительной способности которого даже не стоило сомневаться. Потому наскоро приложив его к своим глазам, Женька окинул взглядом окрестности. По всему видимому пространству возлежала облачная рябь. Будто небо отражалось в воде, он поднял глаза вверх, а потом вернулся обратно, нет, ничего похожего на отзеркаливание не наблюдалось. – Что за мистика, город то где?

– А я тебе что говорю? Въехал?

– Так, я не пил сегодня – на смене, и вчера тоже не прикладывался, и вообще уже забыл, когда последний раз принимал, может, бинокля твоя поломатая совсем?

– Шутить изволишь? Галлюцинации к двум сразу не приходят, и белки у каждого свои. Так что иди, Христа ради, в машинку свою и сиди там тихо, пока народ спит. Заодно подумать можешь, за что нам такое наказание?

– Нет, братуха, давай-ка, ты мне сначала расскажешь, все что знаешь, вижу ведь, не договариваешь, а потом я и уйду своими мыслишками раскидывать.

– Да не больше твоего я и знаю. Ну, вот только видел еще, как наши то, бросившиеся первыми, исчезли. Вот тут стоял – был человек, шаг ступил – уже нет его. А мы ж фонариками светили, ни тумана, ни этих облаков не было еще, рация тоже здесь работала – переговаривались, а туда ступил, и тишина. А на рабочей дороге целые автобусы пропали, как ластиком стерли.

– Вот значит, почему они удирали.

Они еще раз многозначительно переглянулись и оцепенели в безмолвии.

Рассвет ворвался вместе с обуявшим всех страхом. Не успев продрать слипшиеся ото сна веки, кое-как наспех стряхивая с тела затекшее состояние, люди застывали в гнетущей тишине, глядя на клубящийся туман, и не понимая верить ли собственным глазам, и как можно сойти с ума всем вместе одновременно. Потихоньку, как будто украдкой, на них надвигалось шлепанье по росе размеренных шагов людей в камуфляже, с ограждениями, сетками и щитами.

– Ой, боженьки! Что же это делается то? – донеслось до слуха каждого присутствующего.

– Я уехал, – произнес Женька, – есть кто со мной?

***

Он вдруг выпал из того оцепенения, которое вогнало его мозг в полный ступор. Подбегая к машине и доставая мобильник, вскользь окинул взглядом дремавшего Саньку, слегка прикрыл дверь и отошел, набирая ее номер. «Пять утра на дворе, что она ему сейчас выдаст? Все равно, пусть ругается, обижается, лишь бы отозвалась», – он уже несколько раз туда и обратно прощелкал мимо ее номера в контактах, не видя знакомых цифр, – «да что я в самом деле, я ж

наизусть его помню». Пошли гудки с той стороны, казалось, он молился сейчас всем святым, прося их о пощаде.

– Да, – полусонным, срывающимся голосом произнесла она, – Жень, ты ошалел? На часы то глянь.

– Слава богу, Линочка, милая, как же я рад тебя услышать! Что у вас там? Все нормально?

– Жень, ты пьян или смеешься? – недовольно прошипела она.

– Ругай, брани, я сейчас приеду и все объясню.

– Да не надо при... – линия разъединилась, он пулей метнулся к машине, уже не стараясь уберечь Саньку от пробуждения. Тот не понимая, отчего такая спешка, еще позевывая и потягиваясь, ждал хоть каких-нибудь разъяснений. С ходу рванув и вырвав на мост, Женька вспомнил, что не один в машине и стал выдавать напарнику ценные указания. Высадив его за мостом, велел быть на связи и никуда не отлучаться, сам же продолжил свой путь по объездной дороге в сторону диагностического центра.

Конечно неудобства, которые создавала такая езда, были несравнимы с общей потерей, но увидев просевшую от колесных пар тяжеловозов колею, протоптанную ими еще в непогоду, а сейчас представлявшую глубокие канавки, пугала Женьку не на шутку. «Обогнать ветер не получится, – произнес он, – как бы на брюхе не приземлиться». Картинка рисовалась вовсе не радужная, он вышел из машины, осмотрел все внимательно и, почесав затылок, а также нежно погладив свою ласточку, будто успокаивая ее, что все обойдется, уселся за руль. Пару минут он сидел, не принимая никаких попыток к действию, а потом вдруг мгновенно завелся, развернул машину и рванул обратно. Подъехав к месту общей дислокации людей и переговорив с присутствующей там молодежью, выбрал из их арсенала себе металлического помощника попроще, отдал ключи от машины, обменялся номерами телефонов и прошел поближе к месту оцепления.

Картина изменилась, выставленные по периметру сетки и щиты, наряду со стоявшими вдоль них крупными ребятами в камуфляже, а также огромные немецкие овчарки, расположившиеся так же часто, как и сами охранявшие, напоминали сюжет какой-то военной операции. Женька достал мобильник и сделал несколько снимков, за что чуть не получил по физиономии, и только после этого залез на спину своего нового двухколесного друга, выжал сцепление и, уносимый ветром, скрылся из виду. Теперь он молился о более-менее приличном состоянии моста, до которого петляющая между пшеничных полей дорога со всеми ее недостатками все-таки обещала добраться. Если ему еще придется вплавь преодолевать реку, а она здесь совсем не ручеек, а полноценное судоходное русло, то придется лишиться еще и большей части одежды. Он был полностью уверен в своих силах, и нисколько не сомневался в том, что переплывет, что бы это ему не стоило, а вот вынужденная необходимость явиться к предмету своего обожания в одних портках, его вовсе не радовала. Обошлось, мост, хоть и местами покочанный, стоял целехонький и вполне приемлемый для езды по нему. Преодолев путь по дощатому настилу, ничуть не сбавляя скорости и выехав с него в низину, Женька все-таки притормозил, почувствовав, как его заносит от проскальзывания шин по мокрой от росы траве. Ему предстояло подняться на небольшой склон, а там уже по ровной дороге еще километра два и дело будет в шляпе. Но именно этот участок оказался наиболее трудным, он несколько раз съезжал с опушек в заросшие разноцветьем канавки, как по катку, не успевая вырывать и уворачиваться от их изобилия. В конце, измучив и себя, и мотоцикл, остановился, отдышался, а переведя дух, прыгнул с него и бросился срывать окружающую его красоту, при этом, не разбирая, цветок ли попадался или высокий куст травы. Он не думал о Лине, о том, какое удовольствие ей доставит эта благоухающая разноцветьем охапка полевых зарослей, то был всего лишь выброс мозга. Слишком много непонятого, неподдающегося какому-нибудь объяснению, а также препятствий за последние несколько часов, требовали от сознания продолжить начатое. Когда его руки уже не в силах были обхватывать собранный им куст и тяжесть

букета дала о себе знать, он остановился, соображая, чем теперь все это связать, а не найдя ничего более подходящего, чем носовой платок, вынужден был поделить свой трофей практически надвое. На минуту ему показался букет неказистым, но источавший им аромат свежести и тонких сладковатых ноток, придал ему уверенность в необходимости взять его с собой, успокоив будоражащие мысли о страшной силе разрушения.

Подсказки судьбы

В ее жизни всегда было много необъяснимого, неподдающегося никакой логике развития событий. Казалось, сама судьба ведет ее именно той дорогой, на которую она ступала. Многое слишком легко приходило, стоило только подумать об этом, но еще больше возникало препятствий, несмотря на продуманность планов и расстановку приоритетов. Будто выделенная ей тропинка не предполагала никаких отклонений, а только четкое следование по ней. И неважно, что всего лишь в метре от нее находились столь доступные щедроты, или в шаге то, что манило своей красотой и удовольствием. Она слишком рано узнала горечь разлуки, боль поражения, жалость и нестерпимое желание все это преодолеть.

Если с высоты прожитых ею лет осмотреть накопленный опыт или под мощным объективом микроскопа попробовать разглядеть крохотные участки ее пути, то можно обнаружить те зарубки, которые по непонятным причинам вдруг возникали из ниоткуда, надолго застревали в подсознательном, не выдавая даже намека о своем присутствии, а потом прорисовывались в самый неподходящий момент, становясь вехой, каким-то завершением, и даже подытоживанием всего ею совершаемого. Лина долго не придавала значения тем подсказкам, которые ей подсовывала сама жизнь. Может быть, это было связано с неумением ими пользоваться, или нежеланием до поры до времени погружаться во все это, на первый взгляд, бредовое следование по очерченному кругу. Но, скорее всего, недостаток времени на остановку, поскольку ежедневные мелкие неурядицы и быт, вся суетность жизни не оставляли ни минуты на размышления о смысле, предназначении и в целом о неотвратимости. Поначалу скоротечность событий ее забавляла, потом она стала от них уставать, а много позже поняла, что не стоит придавать большого значения всем мелочам, сопровождавшим ее. Если бы она знала раньше, если бы хоть кто-нибудь подсказал ей собирать в отдельную копилочку именно эти мелочи, то намного раньше задумалась бы о том, какие и чьи ошибки должна исправить на своем пути, чтобы двигаться в правильном направлении, а не ходить по проторенной уже кем бы то ни было тропе, повторяя уже сотворенное однажды другими.

***

Все мы оставляем в жизни какой-то неизгладимый след, одни больший, другие меньший, но наследить удастся всем без исключения. Кто-то делает это даже специально со всем отчаянием и вызывающе. Они старательно выводят каждую запятую, прорисовывают самый мельчайший штрих, закрашивают то, что уже создано до них, пытаются совершенствовать идеал и стирают память о былом. Но парадокс даже не в том, что им что-то не нравится в уже существующем. Главное – что ими движет в этот момент? Какая-то собственная мотивация, тяга доказать кому бы то ни было, насколько именно они важны. Иногда хочется разобраться в этой сотканной из инстинктов паутине, но чаще все-таки надеть розовые очки и, не вдаваясь в детали, идти легко и непринужденно, не оглядываясь и не останавливаясь по пустякам. Тем не менее рано или поздно мы спотыкаемся. Как правило, это мелочи жизни, вводящие нас в ступор, разочарование, бессилие и даже отчаяние. Так уж сложилось в психике человека за годы эволюции, инстинкт самосохранения и стремление к безопасности позволяют ему легко справиться с чем-то угрожающе-грандиозным, но испытывать абсолютную беспомощность при столкновении с ничтожными барьерами и препятствиями на своем пути. И уже не важно, что является тем самым спусковым крючком, запускающим весь механизм саморазрушения, будь то сломанный ноготь, длинная очередь, пробка на дорогах или косой взгляд. Когда чаша терпения переполнена, очередная капля, самая незначительная по размерам и силе, взрывает весь сосуд, он не выдерживает и расплескивается направо-налево, задевая на своем

пути и правых, и виноватых, всех, кто в этот момент просто оказался рядом, попал в поле зрения или под руку. Достается всем, и с лихвой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.